

УДК 882.091

DOI: 10.17223/19986645/57/14

В.Н. Крылов

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ К.Д. БАЛЬМОНТА

Рассматривается проблема литературного успеха и становления, динамики репутации крупнейшего поэта-символиста старшего поколения Константина Бальмонта. Для достижения поставленной цели привлекаются различные историко-литературные источники – прижизненная критика, мемуары, переписка, дневники. Сопоставление материалов литературной критики, свидетельств читательской популярности, пародий и других источников позволяет уточнить и конкретизировать историю поэтического успеха и славы Бальмонта на протяжении 1890–1910-х гг.

Ключевые слова: К. Бальмонт, символизм, успех, репутация, литературная критика, пародии.

Литературные репутации модернистов, рецепция их поэзии в читательской среде – одно из малоизученных направлений современного исследования русского модернизма. На эту проблему уже обращалось внимание в литературоведении. А.И. Рейтблат в полемической статье ««<...> что блестит»? (Заметки социолога)» (2002) затронул вопрос о кризисе «серебряновечной» проблематики в российской науке и о необходимости поиска новой исследовательской парадигмы, наметив несколько направлений: модернисты и русское общество, модернисты и литературные институты, становление литературных репутаций литераторов-модернистов, модернисты и читатель (авторские стратегии; рецепция произведений и т.д.) [1. С. 62]¹. Понятия «успех», «слава», «авторская стратегия» редко применяются к изучению писателей начала XX в., как и в целом к русской литературе, хотя использование подобных социологических понятий способно обогатить литературоведческий инструментарий. Как отмечают исследователи, «представления о том, что такое литературная слава, каковы механизмы ее возникновения и распространения, – это немаловажная составляющая представлений о месте писателя в культуре и обществе в целом» [4. С. 134–135]. Между тем эпоха Серебряного века дает очень богатый материал для исследования механизмов репутаций.

Начало XX в. отмечено важными процессами в литературной жизни, среди которых, прежде всего, выделяются увеличение читательской аудитории, невиданный взлет статуса писателя в общественном сознании, формируются роли писателя-профессионала, «модного автора», «культового автора» [5]. То, что исследователи фиксируют уже в эпоху романтизма

¹ Можно назвать единичные работы по этим проблемам: о репутации М. Кузмина [2], рецепции поэзии И. Анненского [3].

предпосылки конструирования литературного культа (повышение соревновательности на книжном рынке, феномен «модной книги», принцип новизны в литературном процессе, превращение имени автора в бренд) [6], многократно усиливается в эпоху Серебряного века.

Жорж Нива отмечал: «Лишь в начале XX века писатель становится настоящим профессионалом, представителем самостоятельного сословия творческой интеллигенции. Благодаря многочисленным журналам, книгам, литературным вечерам и рецензиям в периодической печати этот литератор нового типа делается любимцем публики, чьи сочинения стремятся напечатать крупнейшие ежедневные газеты, подлинной «звездой» массовой информации» [7. С. 610]. Эти процессы связаны и с бурным развитием журналистики, прессы. Б.М. Эйхенбаум подчеркивал, что в это время «...русская литература обростала прессой. Писательство становилось распространенным занятием, массовой профессией, обслуживающей разнообразные вкусы и требования общества» [8. С. 120–121].

Постоянными в статьях и переписке современников становятся рассуждения о литературной славе, о моде, о литературных репутациях¹ и о тех механизмах, которые обеспечивают успех писателю. В современных исследованиях социологии литературной жизни эпохи Серебряного века справедливо отмечается, что «публика того времени вообще склонна была к сотворению литературных кумиров и по очереди носила на руках и разрывала на сувениры шляпы и платки Горького, Андреева, Бальмонта, Серверянина, Собинова, Шаляпина, Качалова. Потому в каждом случае необходимо определить истинное значение того или иного литературного явления или события в максимально широком контексте» [9. С. 20–21]. Не стоит преувеличивать или преуменьшать значение того или иного крупного писателя в жизни эпохи, поскольку его образ сосуществовал в сознании читателя рядом с образами других писателей и деятелей искусства.

В аспекте отмеченных тенденций можно исследовать и историю литературной репутации К.Д. Бальмонта – первого символистского поэта, добившегося всероссийской известности. Нельзя сказать, что в бальмонтоведении совсем не затрагивается вопрос о его литературной репутации. Все исследователи, кто анализирует творческий путь поэта, говорят о его необыкновенной популярности². В современных авторитетных антологиях

¹ Проблема литературных репутаций становится одной из ключевых в книге А.А. Измайлова «Пестрые знамена» (1913), где он рассуждает о «раздутых» и «пониженных», медленно создававшихся репутациях, а также репутациях, в создании которых наименьшее место отводится удаче. В начале XX в. усиливается роль критики в создании репутации писателя, в возможном усилении средствами критики воздействия произведения искусства на публику, в формировании и закреплении его успеха и вообще судьбы автора (как в положительном, так и в отрицательном смысле).

² См. исследования последнего времени: монография П.В. Куприяновского, Н.А. Молчановой «Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба» (Иваново, 2001), вступительный очерк А.А. Кобринского «Дедушка русского символизма (Литературная судьба Константина Бальмонта)» к сборнику «Солнечная пряжа» в ма-

поэзии Серебряного века Бальмонт представляется таким образом: «...из всех символистов первым получил общечитательское признание и первым его утратил («исписался»), сохранив, однако, славу самого «певучего» поэта эпохи» [10. С. 258]. Однако эта констатация прижизненного успеха Бальмонта, как правило, не сопровождается анализом «механизма» его литературной репутации: как она складывалась, как изменялась, какие факторы влияли на нее, каким был образ Бальмонта в восприятии публики (критики, писателей, рядовых читателей) и т. д. В полной мере, полагаем, эта задача трудновыполнима из-за недоступности многих источников, необходимых для понимания всех форм читательской рецепции. Если отзывы критики, затерянные на страницах дореволюционной периодики рубежа XIX–XX вв., можно найти, то свидетельства обычных читателей чрезвычайно редки. Мы будем обращать внимание на те источники (в основном это литературная критика, но привлекаются и пародии, шаржи, свидетельства читательской популярности и т. д.), которые характеризуют роль и место Бальмонта в русской литературе, где так или иначе ставится вопрос о литературном успехе поэта, но ограничимся дореволюционным периодом, не претендуя на исчерпывающую полноту картины.

Автор вступительной статьи к недавно вышедшей книге «Константин Бальмонт глазами современников» Л.Н. Таганов отмечает, что мемуары, дневниковые тексты запечатлели «триумфально-скандальное вхождение Бальмонта в русскую литературу, неимоверный успех его первых поэтических книг, начиная со сборника «Под северным небом» (1894)» [11. С. 11].

Здесь, видимо, следует, внести некоторую корректировку, попытаться выявить *этапы* истории литературной репутации поэта, ведь «литературная репутация писателя – это всегда процесс, а не что-то статичное и закрепившееся» [10. С. 21]. При этом мы опираемся на определение литературной репутации, сформулированное А.И. Рейтблатом: «...представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя <...> существование литературных репутаций необходимо для структурирования литературной системы, поддержания внутрилитературной иерархии, обеспечивающей ее функционирование и динамику» [12. С. 51–52]. Нужно учитывать не только реакцию внешних интерпретаторов творчества писателя, но и обратную связь читательских мнений и поведения писателя. По мысли Н.А. Богомолова, автор «неминуемо реагирует на крити-

лой серии «Новой библиотеки поэта» (СПб., 2003), сборник «Константин Бальмонт глазами современников» (СПб., 2013). Укажем на единственную известную нам статью, посвященную такой совершенно неизученной проблеме, как соприкосновение жизни и творчества Бальмонта с массовым читательским сознанием, с жизнью рядовой, «низовой» интеллигенции, творчеством поэтов-самоучек: *Таганов Л.Н.* Бальмонтовский сюжет в стихотворных тетрадах Я.П. Наdejдина // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2002. Вып. 5.

ческие отклики», «соотнося истинное содержание своего творчества, каким оно представляется ему, с той внешней рецепцией, которая выражается в откликах “литературной общественности”» [2. С. 57].

Показательно, что уже в первых рецензиях на сборники Бальмонта авторы размышляют о его литературном успехе и прогнозируют возможное будущее нового поэта. Откликаясь на выход первой книги Бальмонта «Под северным небом» (1894), А. Волынский писал: «Г. Бальмонт выступает на литературное поприще довольно своеобразно. Соединив несколько коротеньких стихотворений, он выпускает их небольшою книжечкою в изящной обертке, с пышным заглавием: «Под северным небом». <...> В каких-нибудь два года можно... опередить на пути славы все современное поколение поэтов. <...> Положительно можно сказать, что в славе г. Бальмонта потонут все мелкие репутации современных деятелей печати. Настоящая книжка — только начало большого литературного предприятия, в некотором роде поэтическая угроза сверстникам и товарищам: вот посыплются, как из рога изобилия, новые и новые книжки, вот г. Бальмонт станет героем дня» [13. С. 383]. Если убрать из этой оценки некоторый иронический тон, то она воспринимается как сбывшийся прогноз.

Множество мемуарных свидетельств доносят до нас впечатления того необыкновенно сильного влияния, которое оказал Бальмонт на молодое поколение любителей «новой» поэзии. Почти все современники говорили о невероятной славе Бальмонта¹.

По свидетельству В. Вейдле, «слава Бальмонта началась в год — 1895 — когда я родился, была уже в упадке, как и его талант, когда я в году девятьсот восьмом или девятом стал приохочиваться к чтению стихов, конечно, я о нем узнал, его читал, но того чувства, с каким его читали чуть постарше современники мои, покуда я пешком под стол ходил, я себе не представлял, и стихи его не то чтобы отталкивали меня, а вовсе меня не задевали» [11. С. 410]. Г. Адамович в статье 1925 г., цитируя «Все мне грезится море, да небо глубокое, / Бесконечная грусть, безграничная даль», отмечал, что «у людей останавливалось дыхание, когда они читали это, и слезы появлялись на глазах». «Не надо упрекать их, если порой они говорили, что это «выше Пушкина». Они слышали в этих строках то, чего Пушкин им дать не мог» [Там же. С. 133]. И. Эренбург напоминал молодым советским читателям, что в «начале XX века нельзя было найти студента, не знакомого если не со стихами, то, по крайней мере, со славой Бальмонта» [Там же. С. 294].

Можно привести еще немало признаний, передающих воздействие поэзии Бальмонта на читателей (особенно на молодых любителей поэзии и вообще на молодежь, но нельзя не обнаружить такой фактор, способству-

¹ Все эти мемуарные тексты требуют исторической корректировки. Во-первых, все они в большинстве написаны современниками поэта, но начальный этап формирования его известности они не застали. Во-вторых, суждения мемуаристов о славе Бальмонта (понятой как некое уже состоявшееся явление) не совсем соотносятся с тем, что мы знаем об отношении к писателю в критике, где даже внутри одного литературно-критического направления не обнаруживается единства.

ющий популярности поэта, как общность психологического и эмоционального опыта писателя и совпадение «горизонта читательских ожиданий»). Как это выражено в воспоминаниях поэтессы Веры Звягинцевой: «Мне, 15–16-летней провинциалке, не дошедшей до Пушкина, а доведенной сентиментальностью учителей словесности до Надсона и Апухтина, – это было откровением. Во-первых, я тоже не намеревалась жить настоящим, во-вторых, в качаньи и легкости этих строк, да еще гонимых почтенным “Русским богатством”, мне чудилась какая-то магия» [11. С. 73].

И. Одоевцева назвала Бальмонта первым поэтом-модернистом, «способным очаровать и потрясти» [Там же. С. 426]. В книге «На берегах Сены» она вспоминает, что Бальмонт моментально прославился в 1894 г. на всю Россию своей второй книгой стихов «Под северным небом», «стал настоящим кумиром не только читателей, но и поэтов и критиков», «властителем дум и душ того времени» [Там же. С. 428–429].

Первые стихи Бальмонта оказались созвучны настроениям эпохи, времени переоценки всех ценностей. С.А. Венгеров, говоря о психологическом единстве эпохи 1890–1910-х гг., усматривал общее в таких, казалось бы на первый взгляд, разных его выразителях, как Горький и Бальмонт. «Конечно, Горький – общественник и марксист, а Бальмонт – индивидуалист и символист, но они тем не менее во многом братья по духу. Дерзкий вызов марксизма и бодрая вера в свои силы, с одной стороны, и, с другой – буйные стремления Бальмонта «разрушить здания», его гордое желание «быть, как солнце», его бурные, жгучие страсти – все это объединяется в один вызов традициям, условности и вообще формам буржуазной жизни» [14. С. 23]. Бальмонт был, наряду с Мережковским, Горьким, одним из наиболее известных последователей Ницше. Как отмечала американская исследовательница восприятия Ницше в России Эдит Клюс: «Повальное увлечение ницшеанскими идеями выдвинуло в центр внимания общественности две фигуры литературного мира: поэта-«декадента» Бальмонта и писателя-«романтика» Горького» [15. С. 70]. По мысли Э. Клюс, критики всех направлений «придали ницшеанской философии отчетливые и определенные «русские» черты» [Там же], связав ее с именами этих популярных писателей. «Таким образом, эстетический эгоцентризм Бальмонта стал частью массового образа Ницше» [Там же]. В поэзии Бальмонта идея «сверхчеловека» Ницше звучит как идея автономности ее от общества, ее духовного раскрепощения, «позиция надмирности, не человечности, а *сверхчеловеческого*» [16. С. 62]. Лирический герой Бальмонта нередко встает в позу «сверхчеловека», декларируя свое равнодушие к людям. Как в получившем широкое признание стихотворении «Я ненавижу человечество»:

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество –
Моя пустынная душа

[17. С. 239].

Уже в 1890-е гг. можно зафиксировать целый ряд социокультурных показателей популярности Бальмонта, таких как избрание в 1893 г. действительным членом Общества любителей российской словесности¹, успешные выступления с лекциями, участие в концертах и литературных вечерах с чтением своих стихов, он попадает в «Галерею русских писателей» (1901), где характеризуется как «выразитель пассивных, неясных, вечно колеблющихся настроений, Бальмонт не имеет себе соперников среди современных поэтов» [19. С. 512]. А позднее это и кружки бальмонтистов и бальмонтисток, которые пытались подражать ему и в жизни, и в поэзии; материализацией славы Бальмонта станут портреты Бальмонта (художников М.А. Дурнова (1900), В.А. Серова (1905), Л.О. Пастернака (1913). По свидетельству многих современников и по выводам современного исследователя институциональной стороны символистского движения, книги «Под северным небом» и «В безбрежности» вошли в список наиболее читаемых произведений русских писателей [20. С. 209–210], «Бальмонт стал первым признанным широкой аудиторией символистским поэтом» [Там же. С. 310].

О внимании публики к поэзии Бальмонта косвенно могут свидетельствовать *тиражи* его поэтических книг. На фоне очень небольших тиражей символистских сборников (200–600 экз.) книги Бальмонта уже в 1890-е гг. выходили сравнительно большими тиражами. Приведем перечень некоторых самых известных книг Бальмонта с указанием тиражей: «Под северным небом» (1894; 2 000 экз.), «В безбрежности» (1895; 1 200 экз.),² «Тишина» (1898; 1 200 экз.), «Горящие здания» (1900; 1 200 экз.),³ «Будем как солнце» (1903; 1 200 экз.), «Только любовь» (1904; 1 500 экз.), «Литургия красоты» (1905; 1 500 экз.), «Зеленый вертоград» (1909; 1 300 экз.). По свидетельству П. П. Перцова, сборник Бальмонта «Будем как Солнце» «в полгода (вторая половина 1903 г.) разошелся в количестве 1 800 экземпляров – цифра, неслыханная для нового поэта, особенно символической школы!» [21. С. 199]⁴. Свидетельством общественного интереса к Бальмонту могут служить также многочисленные переиздания его книг и собрания сочинений. Он был первым символистом, лирика которого стала издаваться в составе собраний сочинений. Первое «Собрание стихов» в двух томах вышло в издательстве «Скорпион» (1904–1905 гг.) тиражом 2 400 экз., второе «Полное собрание стихов» в 10 томах было выпущено «Скорпионом»

¹ Как назовет его позже А. Белый, «академик, с которым считались старцы» [18. С. 102].

² Книга «В безбрежности» была переиздана в 1896 г. тиражом 600 экз.

³ Ср. с тиражами поэтических книг других символистов в 1890-е гг.: «Chefs d'oeuvre» (1895; 600 экз.), «Me eum esse» (1897; 600 экз.) В.Я. Брюсова, «Natura naturans. Natura naturata» (1895; 200 экз.), «Собрание стихов» (1900; 300 экз.) А.М. Добролюбова. Только в 1900-е гг. книги Брюсова «Tertia Vigilia» (1900), «Urbi et Orbi» (1903) достигли тиража в 1 200 экз.

⁴ Очевидно, П.П. Перцов ошибся, указав тираж 1 800 экз. Показательно сравнить это свидетельство с признанием Брюсова: «Венок» был моим первым сравнительно крупным успехом. Издание... разошлось в полтора года, тогда как прежние мои книги едва расходились в пять лет» [14. С. 121].

(1907–1914 гг.) тиражом 2 000 экз. каждый том. В 1906 г. издательство товарищества «Знание» опубликовало (в серии «Дешевая библиотека т-ва «Знание») сборник стихотворений Бальмонта тиражом 21 000 экз.¹ Дополнительным фактором, способствовавшим его известности в читательских кругах, была активная переводческая деятельность. Собственно, известность пришла к нему первоначально как к переводчику Шелли (сочинения Шелли в переводе Бальмонта выходили с 1893 г.). Читатели, интересующиеся зарубежной литературой, узнавали имя Бальмонта².

Стремясь расширить свое влияние в литературе, Бальмонт старался преодолеть символистскую замкнутость, поэтому сотрудничал в популярных газетах и журналах – «Русских ведомостях», «Жизни», «Ежемесячных сочинениях», «Журнале для всех», «Современном мире» и др.

При изучении механизма читательской популярности нужно, разумеется, принимать во внимание качества самой поэзии и причины интереса публики к стихам Бальмонта. По-видимому, говорить о каких-то имманентно присущих его поэзии чертах невозможно, если не учитывать разнородный состав публики, специфику бытования поэзии в рассматриваемую эпоху, а также его творческую эволюцию. Читатель на рубеже XIX–XX вв. не ограничивается чтением стихов в одиночестве, стихи надо было *слушать*, т.е. «требовался живой голос поэта, вступающего в живое общение с читателем на широкой площади, в большом зале, чтобы услышать в голосе поэта таившееся в душах целого поколения» [23. С. 7]. «Звучание стихов независимо от их содержания в те времена становилось неотъемлемой частью реального переживания» [24. С. 143]. В этом отношении стихи Бальмонта, как никакие другие, отвечали этой общекультурной потребности. Нина Петровская вспоминала: «Читать Бальмонта одно, слушать совершенно другое» [11. С. 77]. Есть немало воспоминаний современников об исполнительской манере Бальмонта, большинство из них сводятся к тому, что поэт покорял слушателей и зрителей лиризмом, мелодичностью, он завоевывал сердца людей. Выступая перед слушателями, Бальмонт следовал теоретической установке о магической силе поэзии, выраженной им в лекции «Элементарные слова о символической поэзии»: «...подобно музыке и живописи, она возбуждает в душе сложное настроение, – более, чем другой род поэзии, трогает наши слуховые и зрительные впечатления, заставляет читателя пройти обратный путь творчества» [25. С. 120].

¹ И все же в целом Бальмонт не мог по тиражам отдельных изданий приблизиться к С.Я. Надсону, стихи которого расходились тиражом 6 000 экз., а 23-е издание «Стихотворений С.Я. Надсона» вышло тиражом 12 000 экз.

² В юношеском дневнике В.М. Жирмунского повествуется, как студент-репетитор рассказал ему о Бальмонте и школе декадентов, потом будущий филолог начинает читать «Освобожденного Прометея» Шелли в переводе Бальмонта. Критика студентом стихотворных опытов юного Жирмунского приводит его к заключению: «Да, у декадентов нужно поучиться умению пользоваться языком: как гениально переведено, например, Бальмонтом 4-е действие «Освобожденного Прометея» Шелли. Это сплошная музыка!» [22. С. 255].

Любители поэзии Бальмонта составляли значительно меньшую долю публики, по сравнению с интересующимися прозой и массовой литературой. Здесь можно выделить в первую очередь читателей, воспитанных на лирике Некрасова и Надсона (под влиянием Надсона, как известно, находился и ранний Бальмонт). Какая-то ее часть (по-видимому, меньшая, особенно в 1890-е гг.) «остыла» от Надсона и стремилась увлечься новыми кумирами. Ранняя поэзия Бальмонта причудливо сочетала новые (декадентские) мотивы с гражданской риторикой 1870–1880-х гг. В книгу «В безбрежности», с одной стороны, вошел сонет «Лунный свет», вызвавший наибольшие нападки критики за выраженное желание уйти от людей, от их страданий:

Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся земля с борьбой своей,
Я – облачко, я – ветерка дыханье.

[26. С. 80].

Но так ли безоговорочно он был признан? С другой стороны, стихотворение «Уходит светлый май...», пронизанное мотивами жертвенности, гибели за правду во имя любви к людям:

Пусть так. Но я пойду вперед без колебанья –
И в знойный день, и в ночь, и в холод, и в грозу:
Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
Хочу я отереть хотя одну слезу!

[Там же. С. 81].

Демократически ориентированному читателю не могли не импонировать такие ранние стихи, как «Зарница», «Родная картина» (написанное в 1892 г. для сборника «Помощь голодающим» (1892), «Памяти И.С. Тургенева», «Грусть», «В поле искрилась река», «В столице».

Ему оказывалось созвучно общее меланхолическое настроение книги «Под северным небом»:

И скорбя о трудном дне,
Где-то дух страдал людской,
Кто-то плакал в тишине
С бесконечною тоской

[Там же. С. 92].

Такому читателю оказывались близки не столько космополитизм Бальмонта и его экстерриториальность, сколько проявление традиционной привязанности поэта к русской почве. Как, например, выраженный в стихотворении «В столице» мотив воспоминаний, возвращение в мир детства, родной природы:

Свежий запах душистого сена мне напомнил далекие дни,
Невозвратного светлого детства предо мной загорелись огни;
Предо мною воскресло то время, когда мир я безгрешно любил,
Когда не был еще человеком, но когда уже богом я был.

Мне снятся родные луга,
И звонкая песня косца,
Зеленого сена стога,
Веселье и смех без конца.
Июльского дня красота,
Зарница июльских ночей,
И детского сердца мечта
В сиянии нездешних лучей...

[26. С. 90–91].

Хотя, надо заметить, рядовой читатель вряд ли смог оценить незаурядное ритмическое мастерство поэта (соединение разных метров и сверхдлинных размеров). Но именно этот читатель, в отличие от «элитарной» публики, мог принять и антимонархические стихи поэта («Маленький султан» и др.) и в будущем признать правоту бальмонтовской позиции в отношении нового строя¹.

Другая часть публики – это читатели из поколения «отцов», настроенные негативно по отношению к новациям «декадентов», это, условно говоря, читатели «буренинского» типа. «Взращенный на идеалах позитивизма и здравого смысла, он категорически не приемлет мировоззрения и поэтики символистов» [28. С. 90–91]. Уникальный пример «следов» чтения такого типа читателя мы нашли в публикации Олега Лекманова [28]. Он приводит пометы неизвестного читателя на экземпляре книги «Будем как Солнце». Исследователь выделяет способы, посредством которых неизвестный читатель стремится дискредитировать символистскую поэзию (ироническая констатация читательского недоумения; обличение многочисленных пороков автора, таких как аморализм, любострастие, хвастовство, легкомыслие, незнание русского языка, вычурность поэтического языка). «Так, к строкам «Но себя мы побеждаем / Нашим сном Безбрежности!» из стихотворения «Снежинки» приписано «Ей-же, ей – рехнулся парень». К строкам «В глухих провалах безрассудства / Живут безумные цветы» из стихотворения «Я полюбил свое беспутство...» приписано: «Не цветы безумны, а вот такие стихоплеты» [Там же. С. 25]. При всей курьезности сурового литературного урока такой утилитаристский подход к поэзии был типичен для значительной части не только публики, но, как увидим, и профессиональной критики.

¹ Об одном из подобных читателей, Я.П. Надеждине, шуйском учителе, рядовом демократе, просветителе народнической закваски, мы узнаем из публикации Л.Н. Таганова [27].

Особую группу рецепиентов бальмонтовской поэзии составляет так называемый элитарный читатель. В начале 1890-х гг. «...зарождается новая, сугубо элитарная по своим читательским установкам группа, опирающаяся на декадентство и символизм. Отношение к литературе ее представителей деполитизируется и эстетизируется, они ждут от книги не поучения, а наслаждения, не рассмотрения социальных проблем, а анализа чувств и переживаний личности» [20. С. 30–31]. В этой среде получают известность первые символисты – Д. Мережковский, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, Н. Минский. Ее ядро составляли высокообразованные читатели, знакомые с новейшей европейской и американской поэзией, философией. В нее входили студенты-гуманитарии¹, но главным образом это были сами литераторы (писатели и критики) или имеющие отношение к литературным институциям (редакторы, образованные меценаты). Этот слой аудитории, существенно меньший, чем у литераторов традиционной народнической направленности, тем не менее составлял то, что принято в социологии называть публикой постоянной, «ориентированной на данный вид, жанр искусства» [29. С. 290].

Круг почитателей Бальмонта пополнялся и непостоянной публикой («ситуативной», публикой конкретного произведения, «здесь и сейчас» его воспринимającego» [Там же]) – молодыми людьми (гимназистами, студентами), которые узнавали о Бальмонте и порой хватались за 1–2 стихотворения, звучащих их внутреннему миру². Тэффи вспоминала, что Бальмонт вошел в ее жизнь в 14-летнем возрасте, когда кадет Коля Нильский подарил ей переписанное на разлинованной бумаге стихотворение Бальмонта:

Тебя я хочу, мое счастье,
Моя неземная краса.
Ты солнце во мраке ненастья,
Ты жгучему сердцу роса
[11. С. 230].

И. Одоевцева признавалась, что ей открыл Бальмонта двоюродный брат-студент, она писала «...я восхищалась теми же стихами, что и он, и вся тогдашняя молодежь, особенно женская половина. Тут были и «Я мечтою ловил уходящие тени», «Скользят стрижи в лазуринеба чистой», и «В моем саду мелькают розы красные», а также «Она отдалась без упрека», хотя я не понимала, что это, собственно, может значить, но мое непонимание придавало еще большую прелесть и какую-то особенную остроту этому стихотворению» [Там же. С. 427]. Как можно судить по мемуарам, у

¹ Образ такого студента-«декадента» Г.Я. Красного (1881–1970), в начале 1890-х гг. студента факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, представлен в юношеских дневниках В.М. Жирмунского [22].

² Нужно принимать во внимание, что в рецепции модернистской поэзии немалую роль играл и такой феномен, как «непрямое» потребление искусства [29. С. 190]. Далеко не все читали сборники Бальмонта целиком, но они формировали свои суждения о нем на основе мнения других, в том числе и оценок критики и публикаций в прессе.

рядового читателя, прежде всего, были популярны стихи о любви («В моем саду», «Песня без слов», «Тебя, я хочу, мое счастье...», «Она отдалась без упрека...»). В. Вейдле интересно объясняет, чем снискало популярность последнее стихотворение. По предположению В. Вейдле, «повторяющийся контраст интонации вместе с музыкой... внушен был» Бальмонту Верленом, но «тему же, мотивирующую этот контраст, – чуть-чуть грубоватую, очень уж откровенно мужскую – придумал он сам, популярность своим стихам у читателей скорей, чем у читательниц, как раз ею и снискав.

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала...
[11. С. 413].

Уже в начале XX в. закладывается своего рода «канон» самых известных стихов Бальмонта. Но при этом самые популярные его стихи не всегда были самыми лучшими. Между массовым признанием и оценкой в литературном кругу («элитарной» публики) не всегда наблюдается единство. М. Цетлин в свое время выразил сомнение в ценности знаменитых «Хочу быть дерзким...» или нашумевших аллитерационных стихов «Челн томления», «Влага» («С лодки скользнуло весло...»). Аллитерация, отмечал М. Цетлин, известная уже Гомеру и Вергилию, в русской поэзии «изумительно использованная Некрасовым и Пушкиным, казалось бы, не нуждалась в открытии. Но так глубок был упадок русской поэзии конца девятнадцатого века, что этот прием приходилось открывать заново и применять его в почти барабанно-примитивном виде» [Там же. С. 97]. «Гораздо больше заслуги Бальмонта в создании по-новому музыкального, гибкого и певучего стиха» [Там же]. Именно за это в первую очередь и ценили Бальмонта поэты разных поколений. По словам Гумилева, К. Бальмонт «...страстно полюбил вещи и выше всего поставил потенциально скрытую в них музыку» [30. С. 110]. Поэтому поэтам нравились другие его стихи. Так, О. Мандельштам выделял «Старый дом», «О ночь, побудь со мной», М. Цветаева – «Безглагольность», «Глаза», И. Анненский – «Колдунью влюбленную», «Слияние», «Отчего мне так душно?» О. Мандельштам в 1923 г. писал: «От Бальмонта уцелело поразительно немного – какой-нибудь десяток стихотворений, Но то, что уцелело, воистину превосходно, и по фонетической яркости, и по глубокому чувству корня и звука выдерживает сравнение с лучшими образцами заумной поэзии» [11. С. 47]. Анализ частотного упоминания названий стихов, цитаций поэзии Бальмонта (в положительном контексте) в мемуаристике, дневниках, переписке позволяет выделить примерный список наиболее популярных тогда стихотворений: «Я мечтою ловил уходящие тени...», «Я – изысканность русской медлительной речи...», «Воспоминание о вечере в Амстердаме», «Я не знаю мудрости», «Безглагольность», «Хочу», «Песня без слов», «Ветер», «Фантазия», «В моем саду...», «Влага», «Дождь», «Она отдалась без упрека...», «Тебя, я хочу, мое счастье...», «Лебедь», «Камыши», «Глаза», «Нам нра-

вятся поэты, похожие на нас...», «Тише, тише», «Запах Солнца», «Лесной пожар», «Золотая рыбка»¹. Некоторые стихи, как, например, «Она отдалась без упрека...», были отмечены и рядовым читателем, и литераторами, но ценили они в них разное.

Первоначально культ Бальмонта формируется в символистском кругу. В «Материалах для биографии» А. Белый отмечает, что в июне – сентябре 1897 г. «Бальмонт, мне еще мало известный, становится для меня любимейшим поэтом» [16. С. 43]. В. Брюсов в письме к П.П. Перцову от 19 июля 1896 г. заявляет уже о появлении в литературе «школы Бальмонта» и называет ряд поэтов, которые «перенимают у Бальмонта и внешность: блистательную отделку стиха, щеголяние рифмами, ритмом, созвучиями...» [31. С. 78]. Установка поэтики модернизма на активное соучастие читателя порождает не только творческое подражание Бальмонту (М. Лохвицкая), но и эпигонство, которое все более становилось массовым². В том же письме к Перцову Брюсов называет имена подражателей – В.Г. Голикова, А.А. Курсинского, Е.А. Варженевской, Е.А. Буланиной. В рецензии на альманах «Гриф» Брюсов заметит «слишком... откровенное подражание» Бальмонту в стихах В. Попова:

Лютики желтые, лютики бедные,
Дети иссохшей земли,
Спите, измятые, грустные, бледные,
Спите в дорожной пыли...

[32. С. 137].

Но вместе с тем в 1890-е гг. и Бальмонт разделяет общее для ранних символистов *отторжение* в большей части критики (а также и сравнительно небольшой охват читательской аудитории, отсутствие собственных журнальных изданий и т. д.). Поэтому и появляется в письме Брюсова к Перцову признание в том, что Бальмонта у нас осуждают потому, что истинно современный дух поэзии у нас некому оценить» [31. С. 65].

В уже упомянутой рецензии А. Волынского говорилось о подражательности Бальмонта, отсутствии искренних и глубоких чувств, а в конце прозвучало пожелание: «Мы пожелали бы молодому стихотворцу побольше литературной серьезности, побольше уваженья к своим собственным скромным способностям. Пусть он трудится над отделкою стиха, но пусть не думает, что перезвон рифм и начальных букв, при бедности духовного содержания, может иметь какое бы то ни было значение» [13. С. 385].

Типичным выражением общедемократической рецепции Бальмонта стала развернутая рецензия критика Н. Коробки, где книга «В безбрежно-

¹ Как можно заметить, в этот список почти не попали стихи, написанные после 1903 г. Последующие антологии стихов Бальмонта практически совпадают с этим «отобранным» уже в начале XX в. списком.

² С. Соловьев в письме к А. Блоку от 18 февраля 1904 г. скажет: «...совершенные бездарности подражают посредственным из стихотворений Брюсова и скверным стихам Бальмонта» [11. С. 540].

сти» была названа «талантливым произведением упадочничества» [33. С. 2], но вместе с тем отмечался ее *успех*: «Книга эта в течение года выдержала два издания, что свидетельствует об успехе, редком для наших поэтов. Несомненно, у г. Бальмонта есть поклонники и почитатели, люди, которым близка и понятна его большая поэзия» [Там же]. А причина успеха видится критику в том, что «мы имеем дело не с индивидуальной душевной расшатанностью, а с болезнью известной части общества, выразителем которой явился наш поэт» [Там же]. Одна из характерных черт подобной поэзии – это «культ своего я, который поглощает в себе весь мир» и связанное с этим настойчивое «признание собственного величия» [Там же. С. 9, 19].

А. Горнфельд в рецензии на книгу «В безбрежности» упрекает Бальмонта в сознательном нагнетании неясности, в том, что «ложная» теория символизма тяготеет над его «беспорным дарованием» [34. С. 42].

На узкоэгоистическом характере поэзии Бальмонта настаивал П. Краснов: «...этот мотив – прославление эгоистической жизни только для себя – повторяется... во многих стихотворениях... и приводит в конце концов к мятежным стремлениям к безбрежному» [35. С. 144] (из рецензии на сборники «Под северным небом» и «В безбрежности»). Однако в начале XX в. П. Краснов вынужден был признать, что «К.Д. Бальмонт блистательно оправдал ожидания, возбужденные первым выпуском его стихов», Бальмонт открыто поднял в России знамя той неоромантической школы, которая цветет на Западе» [36. С. 542], а в 1905 г. сказать, что Бальмонт «из всех современных поэтов наиболее популярный, «...он отразил в своих песнях и образах настроения современного молодого общества – отчаяние под гнетом бессмысленных обстоятельств, жажду забыться в области фантазии красоты и, наконец, потребность в освобождении личности, скованной условной моралью» [37. С. 233]. Однако такая оценка не могла перевесить преобладающий в народнической и либерально настроенной критике начала XX в. подход: стихи Бальмонта стали нередко использоваться в обобщающих статьях, посвященных современной поэзии, как доказательство исключительной, необычайной «самовлюбленности и безумной гордости» [38. С. 562], характеризующей декадентство¹.

В изучении становления литературной репутации Бальмонта нельзя обойтись без выступлений «литературного хулигана» В.П. Буренина. Выступления Буренина продолжали, на наш взгляд, ту линию неприятия, ниспровержения Бальмонта, которую демонстрировал неизвестный чита-

¹ Так, большая часть статьи А.И. Покровского «Современное декадентство перед судом вековых идеалов» в «Русском вестнике» (1904) строится на примерах именно из Бальмонта. В той же функции стихи Бальмонта используются в обзорной статье Л. Горского «Декадентская поэзия на пути в Россию» (Вестник знания. 1903. № 11). В последней статье, конечно, не был обойден вопрос о самовлюбленности поэта, но он получал некоторое оправдание: «И не простительно ли г. Бальмонту, когда он в наивном восхищении собою заговаривается, что он первый открыл «гневные и нежные» звоны в русской речи. Пусть не первый, но что-то особенно певучее, благородно изысканное, слышится в его поэтической лире...» [39. С. 83].

тель на полях книги «Будем как Солнце». Фельетоны Буренина закрепили в читательском восприятии образ Бальмонта как самовлюбленного поэта, крайнее воплощение эгоцентризма. В 1900 г. большую часть очередного выпуска «Критических очерков» в газете «Новое время» он посвятил книге «Горящие здания».

Новая книга Бальмонта, по словам Буренина, – это проявление все того же «наглого кривлянья и ломанья», которое сегодня в моде. Охотно признавая за Бальмонтом поэтический темперамент, владение стихом и немного поиздевавшись над качеством его переводов («по-каковски это? Как будто по-чухонски? А может быть по-китайски? Вернее всего, по-декадентски. Только во всяком случае не по-русски»), он обращается к оригинальным стихотворениям, относит их к разряду произведений «по ту сторону здравого смысла» [40. С. 562]. Он выписывает отрывок из одного стихотворения (из цикла «В душах есть все»), сопровождая его таким уничижительным комментарием: «Читатели согласятся, что стихотворец, дошедший до сочинения таких хорошеньких куплетов с гнилыми хохотами чумы, тигровыми страстями и змеиными чувствами, с сомнениями в том, его ли создали толпы глупцов с животной-мерзкими лицами, или он создал этих глупцов, с сомнениями в том, что поэт ли он или побег пня, – читатели согласятся, что такой стихотворец внушает серьезные опасения» [Там же. С. 2].

Особое внимание Буренина привлекает стихотворение «Воспоминание о вечере в Амстердаме». Сопроводив полный текст стихотворения в некоторых местах вопросами, Буренин вопрошает: «Очень хорошо, не правда ли? И главное то хорошо, что можно читать эту пьесу и с конца... Попробуйте, и вы увидите, что получится то же самое, т. е. набор случайных фраз для случайных рифм, приходящих в голову стихотворцу... Вот г. Бальмонту почему-то вспомнился Амстердам и он принялся городить вздор об этом почтенном городе. Но для чего было лететь фантазией в далекую Голландию? Поэт мог и о любом русском городе нагородить рифмованный вздор. Положим, ему подвернулся бы Вышний Волочок» [Там же]. И Буренин включает в статью, ставшую потом известной, пародию «Воспоминания о вечере в Вышнем Волочке» (ускоренные строки).

В драматических сценах «Домашний театр «Нового времени. Литературные чтения и собеседования в обществе «Бедлам модерн» Буренин высмеивает в пародийной форме попытки Брюсова объявить Бальмонта лучшим поэтом современности¹.

Когда начинается обсуждение поэтического «шедевра» одного из членов собрания Гордого-Безмордого, то поэт Валерий Противоестественный усматривает в новом сочинении подражание «знаменитейшему шедевр

¹ По существу, это пародия на статью Брюсова «Бальмонт» в «Мире искусства». В статье «Бальмонт» Брюсов писал: «Среди современных поэтов Бальмонт, бесспорно, самый значительный – и по силе стихийного дарования, и по своему влиянию на литературу. Всем его современникам приходится заботиться прежде всего о том, чтобы не попасть в сферу его притяжения, сохранить самостоятельность» [41. С. 36].

величайшего из поэтов нашего века Демона Демоновича Бальмонта «Художник-дьявол» [42. С. 68]. И заключает: «...недаром другой, ему подобный, хотя еще и не равный, гений поэзии, г. Валерий Брюсов, у которого тоже “порядок мозгов” довольно основательно перевернут – недаром он кричит во всю ивановскую, что Бальмонт “среди современных поэтов бесспорно самый значительный – и по силе стихийного дарования, и по своему влиянию на литературу”; что пред ним действительно “все другие поэты предтечи”, что “равных Бальмонту в искусстве стиха в русской литературе не было и нет”, что даже лермонтовские стихи «совершенно меркнут перед лучшими песнями Бальмонта», что с ним Пушкин даже не может равняться, так как у Бальмонта пушкинский “усовершенствованный” стих» [42. С. 71].

Образ Бальмонта в восприятии современников неотделим от его лирического героя. Нужно признать, что и сам Бальмонт в бытовом поведении предпринимал усилия для артикуляции своего имиджа, усиливающего воздействие творчества на публику¹. Можно вспомнить и его автохарактеристики в стихах, и признания современников о необычной манере поведения, его внешности. По наблюдениям М.С. Сухотина, оставившего впечатления о посещении поэтом Льва Толстого, Бальмонт «похож на портреты каких-то Филиппов испанских», «его испанистая наружность гармонирует с его занятиями» [32. С. 120]. «Своеобычность молодого Бальмонта бросалась в глаза. Он становился легендой еще до начала XX века <...> И таким образом он начинает представлять собой не только новую (символистскую) поэзию, – но само его бытовое поведение воспринимается как *особый текст* жизни, сотворенный новым поэтом» [44. С. 12]. Образ самовлюбленного поэта, когда черты лирического героя переносятся и на биографическую личность, начинает широко тиражироваться в прессе.

Так, в стихотворении Тэффи «Новый год у писателей» дан остроумный групповой портрет современных литераторов, среди которых представлен и Бальмонт. Тэффи, в отличие от Буренина, дает не сниженный, сатирический образ поэта, а юмористический, проникнутый доброй улыбкой. Каждый из писателей, представляясь новому 1902 г., говорят о себе, и с помощью этого приёма Тэффи пародирует их стиль и характеры.

Новый Год (всматриваясь, в Бальмонта).

Кто этот странный господин,
Что гордо так стоит – один?

¹ По мнению Б. Дубина, для типологической фигуры «звезды» характерна «потребность в узнаваемом и портретируемом «лице», в последовательно конструируемой биографии (Блок, Маяковский, Есенин, Высоцкий), что чаще всего сочетается с авторским культом собственной личности», «значимой составляющей в образе звезды нередко становится, среди прочего, поведение на грани или за гранью общественных приличий» [43. С. 327]. Несмотря на то, что исследователь не приводит в перечне примеров Бальмонта, есть все основания отметить эти составляющие и в Бальмонте.

Бальмонт.

Я? – Я – Бурениным гонимый,
Я – новый бог земли родимой,
Я – переплеск, я мрако-свет,
Пушистый, чистый, серебристый,
Хромой, немой, но голосистый
Перебальмонт, перепозт!

Новый Год.

Ах, как я рад знакомству с вами;
Вы превеселый человек!
Украстье ж мой короткий век
Своими вы перестихами

[45. С. 14].

В стихотворении «Весенний отлет» (1902) Тэффи в пародийной форме описывает отъезд писателей в летний отпуск по железной дороге. Здесь остроумно передается диалог Бальмонта, говорящего стихами, и не понимающего поэзию кондуктора, который всякий раз буквально понимает тот или иной образ и пытается определить поэта в определенный тип вагона.

Бальмонт (медленно подходит и, остановившись перед кондуктором, декламирует).

Я как ландыш, бледнея цвету,
Я – как ветка сирени мечтаю,
Я – как снег, кувыркаюсь, лечу,
Полежу, полежу и растаю...
Я меняю и образ, и форму;
Я и лед, и лобзание, и яд...

Кондуктор (испуганно).

На другую пройдите платформу
Вас там в ледник-вагон поместят.

Бальмонт.

Птицей, мощной, полнощной летаю,
Я тревожу неправедный сон,
Перепелкой по нивам порхаю.

Кондуктор.

Так, пожалуйста, в птичий вагон.

Когда Бальмонт называет себя «чужездным растеньем», кондуктор терпит терпение и ничего не может понять, на что Бальмонт с достоинством отвечает:

Мои слова всегда бессвязны,
Они дрожат, они алмазны,

Как в час предутренний звезда!
Они летят и налетают,
Как вихрь, как буря, как циклон!..

[46. С. 12].

Традиция представления комического образа Бальмонта активно продолжится в 1900–1910-е гг.: он становится героем различных фельетонов, пародий, шаржей¹, карикатур, само необыкновенное количество которых говорит о его славе в этот период². В начале века его известность выходит за пределы модернистского лагеря, он становится самым популярным модернистским поэтом вне референтной (символистской) группы. И даже длительное пребывание за границей не уменьшило его известности. В воспоминаниях Е.А. Андреевой-Бальмонт приводятся слова дочери поэта Нины о том, как встречали Бальмонта во время приезда в Россию в 1912 г.: «Несколько друзей подошли к Бальмонту, обнимая его и пожимая ему руки, повели к автомобилю, куда мы сели. Молодежь бежала за нами и засыпала цветами. Девочка наша странно была удивлена. «Разве папа такая знаменитость? Я совсем этого не знала», – повторяла она. Потом ее очень занимало, что отца ее приходили интервьюировать и снимать в дом сестры, где мы остановились» [49. С. 363].

В этой связи особенно заметна такая форма рецепции, как пародии на поэта. В известной книге пародий и шаржей А.А. Измайлова «Кривое зеркало» (1908) пародия на К. Бальмонта находится в соседстве с пародиями на З. Гиппиус, В. Иванова, С. Городецкого, А. Блока, М. Кузмина, А. Белого и др.

¹ В юбилейный для Бальмонта 1912 г. (25-летие литературной деятельности) в постоянной рубрике журнала «Шут» «Галерея наших современников» помещен шарж Яна Тома. Бальмонт изображен играющим на лире, которая стоит на внушительной стопке книг поэта. Шарж сопровождается надписью: «Величайший поэт XX-го века. Побил рекорд продуктивности и усидчивости... «Я каждый миг исполнен откровенья, / Всегда пою!» – говорит он про себя. Выпустил несчетное число крупных и мелких сборников своих стихотворений, поэт не выдержал и воскликнул: «Кто равен мне в певучей силе?! И затем сам ответил: Никто! Никто!» (стих. «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...»)» [47. С. 10].

² О своеобразной практической «востребованности» Бальмонта свидетельствует и такой курьезный случай, описанный в «Известиях по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М.О. Вольф», озаглавленный «Бальмонт – как средство против зубной боли»: «В селе Островах, Могилевской губ., учительница церковно-приходской школы как-то вечером читала вслух сборники стихов Бальмонта “Зовы”; тут же рядом, в кухне, находилась старуха, сторожиха этой школы, у которой как раз в это время болели зубы. Учительница, увлекшись чтением, громко произносила смелые, подчас странные обороты поэта. Старуха внимательно вслушивалась в совершенно непонятные ей слова с уверенностью, что учительница этими непонятными словами “заговаривает” ей зубы, так как только что перед этим она жаловалась учительнице на сильную зубную боль. Каково же было недоумение учительницы, когда через некоторое время старуха вошла в комнату и со слезами начала благодарить: “Помогло, голу-бушка... помогло, дорогая... Век Богу буду молиться”» [48. С. 135].

Бальмонт становится героем и разных скандальных публикаций, отзывки одной из которых отражены в книге Е. Венского «Мое копыто (книга великого пасквиля)». 3 августа 1909 г. на страницах газеты «Речь» К. Чуковский уличил в плагиате Бальмонта, обнаружив в его статье «Певец жизни», которая была опубликована в «Весах» еще в 1904 г., незакавыченные цитаты из книги Джона Симондса об Уитмене. Отголоски обвинений Чуковского в адрес Бальмонта Е. Венский «выплеснул» в «Моем копыте» в пародии на стихотворения «Хочу», «Я – изысканность русской медлительной речи» [50. С. 13].

Многочисленные пародии публиковались не только в столичной прессе, но и на страницах провинциальных газет. Фельетонист газеты «Волжский вестник» из стихов в книге «Будем как Солнце», большей частью «непонятных», по его мнению, выделил, наоборот, такие «светлые» и «прозрачные», «будто автор стихов семилетний ребенок» [51. С. 3]. «Вот, например, занявшее целую страничку «стихотворение», очевидно, навеянное популярным романом «Чижик, чижик, где ты был? – На Фонтанке воду пил»:

Жизнь проходит, – вечен сон.
Хорошо мне, – я влюблен.
Жизнь проходит, – я поэт.
Душен мир, – в душе свежо.
Хорошо мне, хорошо.

Легкость в мыслях необыкновенная, невольно заражаешься на пародию.

Если логику поправить, –
Сколь легко стихи писать!
Воспевай морей песок
Жабры рыб, мечтанья ног.
С рифмой весел белый снег.
Хорошо мне, – я поэт.
Что лишь в голову взбрело, –
Все в звенящий стих легло.
Я спокоен, весел, тих, –
Даст полтинник каждый стих...
[51. С. 3].

Тем не менее в критике (и не только в демократической, но и символистской) примерно с начала 1900-х гг.¹, а затем все настойчивее муссируется вопрос о «конце» Бальмонта, о его упадке, о том, что его путь идет по нисходящей линии, его дар мельчает, начинается «спуск на тормозах славы» [11. С. 429], он становится «графоманом, страдающим болезнью не-

¹ В критике нередко высказывались мнения, что спад Бальмонта начался с книги «Только любовь».

держания стихов» [11. С. 426], «пародистом на самого себя» [52. С. 104], новые его стихи «можно читать только из сострадания» [53. С. 464].

Усиливаются нападки в печати, попытки оспорить прежние заслуги. Характерны в этом отношении статьи К. Чуковского. Оценив по форме стихи Бальмонта как «замечательное явление в русской литературе», Чуковский настаивал: «Теперь они кажутся деланными и однообразными. Но недавно, когда после Надсона и Апухтина литературные вкусы пали и в русской поэзии, наподобие осенних мух, вяло бродили такие ненадежные стихослагатели, как Аполлон Коринфский, Иван Белоусов, Леонид Афанасьев и множество других, не оставивших после себя ни одного стиха, ни одного небанального чувства, – когда после них вдруг затрещали и завальсировали бальмонтовские рифмы и послышались бальмонтовские размеры – поистине произошла литературная революция» [54. С. 47], но «с течением времени открылось еще одно свойство этих городских стихов: они поверхностны» [Там же. С. 48].

Символисты, в среде которых и началась репутация Бальмонта, также принимают участие в этих нападках (за исключением Вяч. Иванова и Ю. Балтрушайтиса). Так, В. Брюсов, испытавший большое влияние Бальмонта, в обзоре 1906 г. «Новые сборники стихов» заявил: «В течение десятилетия К. Бальмонт нераздельно царил над русской поэзией. Другие поэты или покорно следовали за ним, или с большими усилиями отстаивали свою самостоятельность от его подавляющего влияния. Но расцвет творчества Бальмонта уже в прошлом. Высшей точкой, которой достиг он в своем победном шествии, были «Горящие здания» [32. С. 219].

В критике поднимается и такая проблема: поэзия Бальмонта, да и сама его поэтическая репутация пострадала от массового увлечения, от пошлости. Как сказал Чуковский, теперь через десять лет после Бальмонта каждый пишет, как Бальмонт, и, что хуже всего, Бальмонт пишет, как каждый» [54. С. 48].

Одна из причин снижения репутации Бальмонта коренится непосредственно в характере его творческого отношения к своим поэтическим приемам. Бальмонт сам, чем дальше, тем больше, злоупотреблял найденными им в первые годы стихотворными приемами (особенно фоническими открытиями), «...за эту подчиненность звуковой стихии, а также за обилие самоповторений, избыточную продуктивность, нежелание отделить в своих стихотворных россыпях зерна от плевел Бальмонта безжалостно корили даже товарищи и друзья» [55. С. 199]. Объяснение этому нужно искать и в изменении символизма на литературной арене, его своеобразной «демократизации». «На третьем этапе (начиная примерно с 1906 г.) шла инфильтрация символистов в „общую литературу“, «символисты становятся «модными», интерес к ним проявляют широкие общественные круги» [20. С. 313].

Вопрос о статусе Бальмонта, на наш взгляд, связан напрямую и с важной проблемой, обсуждавшейся в русской прессе, – *о падении интереса к поэзии вообще*. В 1913 г. редакция журнала «Вестник литературы» (изд. т-ва М.О. Вольф) организовала специальную анкету, посвященную выяснению положения современной поэзии. В редакционной статье говорилось

о том, «мы являемся свидетелями того факта, что любовь к поэзии падает с каждым днем, что поэтов все меньше и меньше читают, а книги их совершенно не расходятся», хотя «русские поэты достигли небывалого технического совершенства, небывалой виртуозности, издают свои книги с небывалым изяществом, а общество не обращает на них никакого внимания» [56. С. 55–56].

В одном из развернутых ответов на вопросы анкеты, присланной читателем, это явление называлось не новым. «Если не считать короткого периода так называемого «завоевания политических „свобод“, когда у общества повысился, между прочим, интерес и к современной поэзии, явление это насчитывает за собою не один десяток лет, и мы едва ли ошибемся, если скажем, что начало его совпадает с развитием в русской литературе пресловутой декадентщины, пересаженной на отечественную почву с Запада еще в 90-х годах прошлого столетия» [57. С. 137]. Автор особенно подчеркивает, что «заметного понижения интереса к „старым“ идейным поэтам в современном русском обществе не наблюдается» (курсив наш. — К.В.) [Там же]. Причины читатель видит прежде всего в том, что современные поэты «погрузились в пучину того жалкого (но, повторяю, по форме порою прекрасного), безнадёжного, беспринципного индивидуалистического нытья и эстетического кривлянья, которыми набито большинство толстых, серьезных и несерьезных журналов, серьезных и несерьезных газет и тех изящных сборников, что томятся в плену книжных складов и книжных магазинов» [Там же. С. 140].

Нужно учитывать и давление со стороны нового литературного поколения. Принцип новизны, настойчиво внедряемый идеологией нового искусства в лице представителей постсимволистских течений, приводил к закономерному итогу: Бальмонт уже воспринимался как своеобразный «архаист»¹. И если Гумилев все-таки признается, что три книги Бальмонта, «Горящие здания», «Будем как Солнце» и «Только любовь», несмотря на то, что «там есть слабые стихи, навсегда останутся в памяти каждого, прочитавшего их» [58. С. 274], то для А. Крученых «известная строка Бальмонта „чуждым чистым чарам счастья“ «звучит скорее слащаво-чавкающе, чем грозно и мрачно!» [59. С. 12]. А Вадим Шершеневич отзыв на сборник избранных стихов Бальмонта назовет «Пошлость на пьедестале»: «Нам не следует забывать заслуг Бальмонта в деле разрушения реалистических чучел, но у нас должно хватить смелости и вкуса, чтобы отвергнуть Бальмонта-поэта, Бальмонта-созидателя» [60. С. 40]. Абсолютизировать подобные высказывания нельзя. Несмотря на отвержение Бальмонта в шумных манифестах, в творческой *практике* новые поэтические течения «помнили» о

¹ И сам Бальмонт, видимо, задумывался над перипетиями поэтической судьбы, успеха. В книге «Только любовь» в разделе «Безрадостность» лирический герой восклицает: «Я знаю, быстрым сном проходит счастье» [17. С. 247]. В известном стихотворении «Тише, тише» звучит признание: «Но и к вам придет мгновенье охлаждения и заката» [Там же. С. 253].

нем. Влиянию Бальмонта на постсимволистское поколение посвящено немало исследований¹. Показателем продолжающегося успеха Бальмонта может служить и массовое эпигонство конца 1900 – начала 1910-х гг. Несмотря на то, что, как писал в 1910 г. Н. Гумилев, пора подражаний Бальмонту уже прошла» [51. С. 40], текущая поэтическая практика давала немало примеров нетворческого следования Бальмонту. В «Письмах о русской поэзии» названы Е. Курлов, С. Алякринский, К. Подоводский, В. Гофман, К. Большаков, С. Константинов, В. Шершеневич, А. Архангельский.

В этой ситуации Бальмонт вряд ли мог сохранять прежнюю планку популярности и авторитетности, особенно в поэтических кругах. Однако поразительно, что хотя критика и писала о «конце» Бальмонта, падении его таланта, все же и в кругу читателей он продолжал вызывать неподдельный интерес. Несмотря на то, что, как констатировал А. Измайлов, «слава Бальмонта сейчас не на той высоте, на какой она стояла не столь давно» [61. С. 75], но по результатам анкеты «Существует ли интерес к новейшей русской поэзии?», организованной редакцией журнала «Вестник литературы» (1913), Бальмонт признан «наиболее выдающимся», он набрал 2 361 голос, опередив Бунина (2115), Фофанова (2003), Брюсова (1384). Мережковского (1018), Сологуба (917), Блока (429) [62. С. 136]². В сообщениях о возвращении Бальмонта в Россию в 1913 г. можно было прочитать следующее:

«Возвратился 6 мая в Москву из изгнания поэт К.Д. Бальмонт со своею семьею. На вокзале он был встречен В. Брюсовым, Б. Зайцевым и многими другими видными литературными деятелями и массой почитателей. При выходе из вагона Бальмонт был забросан живыми цветами. Полиция предупредила, что никаких речей не будет допущено. Тем не менее одному из встречавших удалось произнести следующий экспромт:

– Из-за туч Солнца луч –
Гений твой.
Ты могуч,
Ты певуч,
Ты – живой»
[64. С. 95].

¹ Укажем на одно из последних – монографию О.А. Клинга «Влияние символизма на постсимволистскую поэзию 1910-х годов» (М., 2010). На связь ранней книги Гумилева «Путь конкистадоров» с поэзией Бальмонта указывал еще В. Брюсов [32. С. 165].

² Как проявление культурной стратегии для поддержания своей литературной репутации можно рассматривать литературные турне Бальмонта, например поездку в 1915 г., в ходе которой он посетил Вологду, Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Пензу, Саратов, Самару, Уфу, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Омск. В книге П.В. Куприяновского и А. Молчановой приводятся особенно тронувшие поэта стихи 13-летнего гимназиста Пети Карасика, посвященные Бальмонту: Звезда полумира, / Поэтов поэт, / Твоя вдохновенная лира / Гремит на весь свет... [63. С. 308].

Но потом, по словам Б. Зайцева, времена изменились, «...все эти чтения, детские чудачества, „бальмонтизм“ и бальмонтистки кончились – наступили суровые, страшные годы войн, революций» [11. С. 321].

Справедливости ради нужно заметить, что не вся критика была подвержена мифу о падении таланта Бальмонта. С.А. Венгеров писал о расцвете таланта Бальмонта, о том, что «Бальмонт и Горький родные братья по яркости чувствования, по презрению к окружающему, по уверенности в своей силе» [65. С. 66]. Е. Аничков в юбилейной (к 25-летию литературной деятельности Бальмонта) статье пишет о том, что Бальмонт находится в «бесперывном движении» [66. С. 681]. О значимости поэзии Бальмонта писал Е. Аничков и одной из монографических глав «Русской литературы XX в. (1890–1910)» (под ред. С.А. Венгерова).

Таким образом, литературная репутация Бальмонта складывалась под влиянием разных общекультурных и творческих факторов.

1. Ее становление проходило в контексте популярности в России ницшеанства, возрастания интереса к «новой» поэзии, культивирования символизмом жизнотворческих форм поведения, бурного развития прессы, выдвижения в центр общественного внимания личности поэта, стремления поэзии раздвинуть рамки «герметичных» литературных обществ, кружков и вывести «звучащую» поэзию к широкому читателю.

2. Его популярности способствовало созвучие основных мотивов поэзии, характера лирического «я», общей логики эволюции раннего творчества (от декадентского до виталистического мироощущения) общественным настроениям конца XIX – начала XX в. Читателей разных слоев привлекали в поэзии Бальмонта экстенсивность художественного освоения мира, повышенное мироощущение жизни, интерес поэта к плотскому, чувственному миру, кульмгновения и вместе с тем – влечение к вневременному, запредельному.

3. В формировании популярности Бальмонта большую роль сыграли его переводческая деятельность, оригинальная исполнительская манера чтения, своеобразие его творческого поведения, неординарность личности (артистизм, позерство, эпатаж).

4. Найденные Бальмонтом в лирике приемы суггестивного воздействия на читателя (пронизанность стиха фонетическими созвучиями, приемы звуковой символизации, поэтика намека, неопределенности, лексическое новаторство) в полной мере были восприняты только в кругу поэтов, однако вскоре ставшими общим достоянием, по выражению И. Анненского, «нашим общим поэтическим языком» [67. С. 513] и потому переставшими восприниматься как новаторство.

5. Постоянное внимание критики к его поэзии и личности усиливало интерес публики, который, как показал анализ, не снижался на протяжении дореволюционного периода, вопреки мнениям критики об упадке поэтического таланта Бальмонта. Между массовым признанием и оценкой в литературном кругу не всегда наблюдалось единство.

Популярность Бальмонта, конечно, не была столь масштабной, как, например, Чехова, Горького или Л. Андреева. Его известность, собственно, и

не могла быть столь значительной: ведь число читателей символистской поэзии было неизмеримо меньшим, чем у авторов-прозаиков. Но все же именно Бальмонту удалось первым оказаться в пантеоне русских символистов и закрепиться в нем, несмотря на все перипетии поэтической судьбы. «Случай» Бальмонта – это пример «ускоренной» репутации, которыми обогатил литературный процесс Серебряный век. В начале века многие писатели достигали быстрой и шумной известности, несравнимой с темпами XIX в. Вспоминая прежние времена и сравнивая их с нынешними (эпохи так называемых «ускоренных» репутаций), А. Измайлов заметил, что «ни о Пушкине, ни о Гоголе у нас, ни о Гюго во Франции, ни о Диккенсе в Англии – никогда не появлялось сотой доли тех сообщений, слухов, сплетен, выдумок, какими совершенно и со всех сторон обросло имя модного писателя» [68. С. 239] (речь шла о Л. Андрееве). В критических статьях, пародиях, шаржах, огромное количество которых само по себе говорит о славе поэта, в разной форме обыгрывались его автохарактеристики, а представления читателей (критиков) о Бальмонте как о конкретной личности, его бытовом поведении объективно влияли и на понимание его творчества, и тот образ художника, который закреплялся в общественном сознании. Вместе с тем, с одной стороны, его репутация пострадала от массового увлечения, эпигонства, моды, с другой – критика, ненадолго признав Бальмонта самым популярным среди современных поэтов, вскоре стала внедрять в литературное поле суждения об упадке его поэтического таланта, его «конце». Но представления критики и читательское восприятие по отношению к Бальмонту заметно расходились. Сопоставление материалов литературной критики, свидетельств читательской популярности, пародий и других источников позволяет показать, что все же поэзия Бальмонта была востребована на всем протяжении 1890–1910-х гг. В рамках статьи невозможно всесторонне исследовать все аспекты заявленной темы. Необходимо углубленное изучение рецепции Бальмонта в низовой читательской среде, изучение текстов поэта с точки зрения их суггестивного воздействия на публику, а также истории репутации поэта в периоды эмиграции, в советскую и постсоветскую эпохи.

Литература

1. Рейтблат А.И. «<...> что блесит»? (Заметки социолога) // Новое литературное обозрение. 2002. № 53.
2. Богомолов Н.А. Литературная репутация и эпоха: Случай Михаила Кузмина // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 131–141.
3. Тименчик Р.Д. Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х гг. // Ученые записки Тарт. ун-та. 1985. Вып. 680. С. 101–116.
4. Потапова Г.Е. «Все приятели кричали, кричали...»: Литературная репутация Пушкина и эволюция представлений о славе в 1820–1830-е гг. // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1999. С. 134–147.
5. Дубин Б.В., Рейтблат А.И. Государственная информация и массовая коммуникация // Отечественные записки. 2003. № 4. С. 237–248.
6. Вайнштейн О. Конструкция литературного культа в эпоху романтизма // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М., 2001. С. 359–386.

7. Нива Ж. Статус писателя в России в начале XX века // История русской литературы: XX век : Серебряный век / под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды. М., 1995. С. 609–614.
8. Эйхенбаум Б.М. Мой временник: Художественная проза и статьи 20–30-х годов. СПб., 2001.
9. Бушканец Л.Е. А.П. Чехов и русское общество 1880–1917 гг.: формирование литературной репутации : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013.
10. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
11. Константин Бальмонт глазами современников. СПб., 2013.
12. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001.
13. Волинский А.Л. Борьба за идеализм. СПб., 1900.
14. Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. С.А. Венгерова : в 2 кн. М., 2000. Кн. 1.
15. Ключ Э. Ницше в России: Революция морального сознания / пер. с англ. Л.В. Харченко. СПб., 1999.
16. Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000.
17. Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М., 1990.
18. Андрей Белый: Автобиографические своды. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов. М., 2016. (Литературное наследство; Т. 105).
19. Галерея русских писателей. М., 1901.
20. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
21. Перцов П.П. Литературные воспоминания 1890–1902 гг. М., 2002.
22. Жирмунский В.М. Начальная пора: Дневники. Переписка. М., 2013.
23. Акбашиева А.С. Читатель эпохи Серебряного века // Материалы XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья : в 3 ч. Елабуга, 2008. Ч. 2. С. 4–9.
24. Розенталь Л.В. Непримечательные достоверности: Свидетельские показания любителя стихов начала XX века. М., 2010.
25. Бальмонт К.Д. Горные вершины : сб. ст. Иваново, 2017.
26. Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л., 1969.
27. Таганов Л.Н. Бальмонтский сюжет в стихотворных тетрадах Я.П. Надеждина // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2002. С. 82–91. Вып. 5.
28. Лекманов О. Самое главное: О русской литературе XX века. М., 2017.
29. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и общество. СПб., 2005.
30. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М., 1990.
31. Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову 1994–1896 (к истории раннего символизма). М. : Гос. академия худож. наук, 1927.
32. Брюсов В.Я. Среди стихов. М. : Сов. писатель, 1990.
33. Коробка Н. Очерки литературных настроений. СПб., 1903.
34. Горнфельд А.Г. К. Бальмонт. В безбрежности // Русское богатство. 1896. № 3. С. 41–44.
35. Краснов П. Неоромантическая и мистическая поэзия // Книжки недели. 1897. № 11. С. 140–150.
36. Краснов П. Русский неоромантизм (характеристика К.Д. Бальмонта) // Литературные вечера «Нового мира». СПб. 1903. № 9. С. 541–547.
37. Краснов П. Новые стихи Бальмонта // Вестник литературы. 1905. № 11. 8 июня. С. 234–238.
38. Покровский А.Т. Современное декадентство пред судом вековых идеалов // Русский вестник. 1904. № 6. С. 543–594.

39. Горский Л. Декадентская поэзия на пути в Россию // Вестник знания. 1903. № 11. С. 78–84.
40. Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1900. № 8777. 4 (17) авг.
41. Брюсов В.Я. Бальмонт (Бальмонт К.Д. Будем как солнце. Книга символов. М., 1903) // Мир искусства. 1903. № 7–8. С. 29–36.
42. Буренин В.П. Горе от глупости. СПб., 1905.
43. Дубин Б.В. Классик – звезда – модное имя – культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М., 2001. С. 324–330.
44. Шифман И. Л. Толстой и К. Бальмонт // Русская литература. 1970. № 3. С. 118–125.
45. Тэффи. Новый год у писателей // Звезда. 1901. 29 дек. № 52. С. 14–18.
46. Тэффи. Весенний отлет // Звезда. 1902. № 22. С. 11–17.
47. Галерея наших современников. К.Д. Бальмонт. Шарж Яна Тома // Шут. 1912. № 34. С. 10.
48. Бальмонт как средство против зубной боли // Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М.О. Вольф. 1913. № 8. С. 135.
49. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997.
50. Венский Е. Мое копыто: Книга великого пасквиля. СПб., 1910.
51. Б.п. Литературные заметки. В безднах декаданта («Будем как солнце», книга символов К.Д. Бальмонта) // Волжский вестник. 1903. 19 июля (1 авг.). № 156.
52. Эллис. Русские символисты. Томск, 1996.
53. Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. М., 2003. Т. 7.
54. Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. М., 2002. Т. 6.
55. Корецкая И.В. Литература в кругу искусств (полилог в начале XX века). М., 2001.
56. Наша третья анкета // Вестник литературы. 1913. № 2. С. 55–56.
57. Барышевский К. Русское общество и русские поэты // Вестник литературы. 1913. № 5. С. 137–140.
58. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М., 1990.
59. Крученых А. Кукиш пошлякам. М., 1992.
60. Аббат Фанферлюш Пошлость на пьедестале («Звенья» К. Бальмонта. Избранные стихи) // Крематорий здравомыслия. Вып. 3–4: Мезонин поэзии. М., 1913. С. 38–41.
61. Существует ли интерес к новейшей русской поэзии – Результаты анкеты «Вестника литературы» и «Известий» // Вестник литературы. 1913. № 5. С. 133–136.
62. Измайлов А.А. Пестрые знамена. М., 1913.
63. Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.
64. Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М.О. Вольф. 1913. № 6.
65. Венгеров С.А. Основные черты истории новейшей литературы с прибавлением этюда «Победители или побежденные?» (о модернизме). 2-е изд. СПб., 1909.
66. Аничков Е. Бальмонт // Запросы жизни. 1912. № 11. С. 681–687.
67. Анненский И.Ф. Избранные произведения. Л., 1988.
68. Измайлов А.А. Литературный Олимп. М., 1911.

Establishment of Konstantin Balmont's Literary Reputation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 224–252. DOI: 10.17223/19986645/57/14

Viacheslav N. Krylov, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation).
E mail: krylov77@list.ru

Keywords: K. Balmont, symbolism, decadent, success, reputation, literary criticism, parodies.

The article is devoted to the analysis of the establishment of the literary reputation of the prominent first-generation Symbolist poet Konstantin Balmont. The article touches upon such issues as the problem of the poet's literary success, dynamics of his reputation, its fluctuations, reception of Balmont's poetry and personality in criticism and literature. The chronological scope of the research is limited to the pre-revolutionary period. The study involves a set of historical and literary sources: lifetime criticism, memoirs, correspondence, diaries, evidence of readers' popularity (questionnaires), parodies. A considerable part of the sources is first introduced into scientific discourse. Analysis and comparison of all available sources of Balmont's reception allow to clarify and specify the history of Balmont's poetic success and glory from the 1890s to the 1910s.

The article shows that the formation of Balmont's literary reputation took place in the context of the growing popularity of Nietzscheanism in Russia, the growing interest in "new" poetry, the cultivation of the symbolism of creative life forms of behavior, the rapid development of the press, public attention to the poet's personality, the desire of poetry to expand the framework of "impermeable" literary societies and circles, and to bring poetry to general readers. The author tried to reconstruct the types of Balmont's readers and reveal reasons for their attitude to his poetry. The article contains quantitative (circulation of publications, the most popular poems among readers and writers) and qualitative (parodies, mass epigonism) indicators of Balmont's success. It was found that there was no unity in the recognition and evaluation of Balmont's works in the literary circle and among readers.

Balmont, like other early Symbolists, was rejected in much of the criticism, and had a relatively small number of readers. But, at the beginning of the century, his fame went beyond the limits of the modernist group. He becomes the most popular modernist poet. Numerous satirical speeches about the poet (feuilletons, parodies, cartoons) made the reader's perceive Balmont as the ultimate embodiment of egocentrism.

The constant attention of critics to his poetry and personality intensified the interest of the public. According to the analysis, this interest was permanent during the pre-revolutionary period, contrary to the critics' opinion about the decline of Balmont's poetic talent.

The author concludes that Balmont's popularity was not as great as that of Chekhov, Gorky or L. Andreev. His fame could not be that great: the number of readers of Symbolist poetry was immeasurably smaller than that of prose writers. But it was Balmont who was the first to enter the pantheon of Russian Symbolists and gain a foothold in it. Balmont's "case" is an example of the so-called. "accelerated" reputation, which enriched the literary process of the Silver Age.

References

1. Reytblat, A.I. (2002) "<...> что блестит"? (Zametki sotsiologa) ["<...> what glitters"? (Notes of a sociologist)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 53.
2. Bogomolov, N.A. (1995) Literaturnaya reputatsiya i epokha: Sluchay Mikhaila Kuzmina [Literary reputation and epoch: the case of Mikhail Kuzmin]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 11. pp. 131–141.
3. Timenchik, R.D. (1985) Poeziya I. Annenskogo v chitatel'skoy srede 1910-kh gg. [Poetry of I. Annensky in the reading environment of the 1910s]. *Uchen. Zap. Tart. Un-ta*. 680. pp. 101–116.
4. Potapova, G.E. (1999) "Vse priyateli krichali, krichali...". Literaturnaya reputatsiya Pushkina i evolyutsiya predstavleniy o slave v 1820–1830-e gg. ["All the friends shouted, shouted...". Pushkin's literary reputation, and the evolution of ideas about fame in the 1820s–1830s]. In: Virolaynen, M. (ed.) *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and myths about Pushkin]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.
5. Dubin, B.V. & Reytblat, A.I. (2003) Gosudarstvennaya informatsiya i massovaya kommunikatsiya [State information and mass communication]. *Otechestvennye zapiski*. 4. pp. 237–248.

6. Vaynshteyn, O. (2001) Konstruktsiya literaturnogo kul'ta v epokhu romantizma [The construction of a literary cult in the era of romanticism]. In: Nad'yarnykh, M.F. & Urakova, A.P. (eds) *Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel'* [Cult as a phenomenon of the literary process: author, text, reader]. Moscow: IWL RAS.
7. Niva, Zh. (1995) Status pisatelya v Rossii v nachale XX veka [Status of a Writer in Russia at the Beginning of the 20th Century]. In: Niva, Zh., Serman, I. & Strada, V. (eds) *Istoriya russkoy literatury: XX vek: Serebryanyy vek* [History of Russian Literature: The 20th Century: The Silver Age]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
8. Eykhenbaum, B.M. (2001) *Moy vremennik. Khudozhestvennaya proza i stat'i 20–30-kh godov* [My time book. Art prose and articles of the '20s–'30s]. St. Petersburg: Inapress.
9. Bushkanets, L.E. (2013) *A.P. Chekhov i russkoe obshchestvo 1880–1917 gg.: formirovanie literaturnoy reputatsii* [A.P. Chekhov and the Russian society of 1880–1917: the formation of literary reputation]. Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Gasparov, M.L. (1993) *Russkie stikhi 1890-kh – 1925-go godov v kommentariyakh* [Russian verses of the 1890s–1925 in commentaries]. Moscow: Vysshaya shkola.
11. Romanov, A.Yu. (ed.) (2013) *Konstantin Bal'mont glazami sovremennikov* [Konstantin Balmont through the eyes of contemporaries]. St. Petersburg: Rostok.
12. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture pushkinskoy epokhi* [How Pushkin became a genius. Historical and sociological essays on the book culture of the Pushkin era]. Moscow: NLO.
13. Volynskiy, A.L. (1900) *Bor'ba za idealizm* [The struggle for idealism]. St. Petersburg: Izd. Molostvova.
14. Vengerov, S.A. (ed.) (2000) *Russkaya literatura XX veka (1890–1910). V 2-kh kn.* [Russian literature of the 20th century (1890–1910). In 2 books]. Book 1. Moscow: XXI vek – Soglasie.
15. Klyus, E. (1999) *Nitsshe v Rossii. Revolyutsiya moral'nogo soznaniya* [Nietzsche in Russia. The revolution of moral consciousness]. Translated from English by L.V. Kharchenko. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
16. Kolobaeva, L.A. (2000) *Russkiy simvolizm* [Russian symbolism]. Moscow: Moscow University.
17. Bal'mont, K. (1990) *Izbrannoe: Stikhotvoreniya. Perevody. Stat'i* [Selected Works: Poems. Translations. Articles]. Moscow: Pravda.
18. Lavrov, A. & Malmstad, J. (eds) (2016). *Andrey Belyy. Avtobiograficheskie svody. Materialy k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov* [Andrei Bely. Autobiographical summaries. Materials for the biography. Perspective to the diary. Registration records. The diaries of the 1930s]. (Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. Vol. 105). Moscow: Nauka.
19. Ignatov, I. (ed.) (1901) *Galereya russkikh pisateley* [Gallery of Russian writers]. Moscow: Izd. S. Skirmunta.
20. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: NLO.
21. Pertsov, P.P. (2002) *Literaturnye vospominaniya 1890–1902 gg.* [Literary Memories of 1890–1902]. Moscow: NLO.
22. Zhirmunskiy, V.M. (2013) *Nachal'naya pora: Dnevniki. Perepiska* [Initial time: Diaries. Correspondence]. Moscow: NLO.
23. Akbasheva, A.S. (2008) [Reader of the Silver Age]. Proceedings of the XXXI Zonal Conference of Volga Literary Critics: In 3 parts. Pt. 2. Elabuga: Elabuga State Pedagogical University. pp. 4–9. (In Russian).
24. Rozental', L.V. (2010) *Neprimechatel'nye dostovernosti. Svidetel'skie pokazaniya lyubitelya stikhov nachala XX veka* [Unremarkable authenticity. Witness testimony of a lover of poems of early 20th century]. Moscow: NLO.
25. Bal'mont, K.D. (2017) *Gornye vershiny: Sbornik statey. Iskustvo i literatura* [Mountain Peaks: Collection of articles. Art and literature]. Ivanovo: Izd. Ol'ga Episheva.

26. Bal'mont, K.D. (1969) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
27. Taganov, L.N. (2002) Bal'montovskiy syuzhet v stikhotvornykh tetradnykh Ya.P. Nadezhkina [The Balmont plot in the poetic notebooks of Ya.P. Nadezhdin]. In: *Konstantin Bal'mont, Marina Tsvetaeva i khudozhestvennyye iskaniya XX veka* [Konstantin Balmont, Marina Tsvetaeva and the literary search of the 20th century]. 5. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 82–91.
28. Lekmanov, O. (2017) *Samoe glavnoe: O russkoy literature XX veka* [Most important: On Russian literature of the 20th century]. Moscow: Rosebud Publishing.
29. Zhidkov, V.S. & Sokolov, K.B. (2005) *Iskusstvo i obshchestvo* [Art and Society]. St. Petersburg: Aletya.
30. Gumilev, N.S. (1990) *Pis'ma o russkoy poezii* [Letters about Russian poetry]. Moscow: Sovremennik.
31. Bryusov, V.Ya. (1927) *Pis'ma V.Ya. Bryusova k P. P. Pertsovu 1994–1896 (k istorii rannego simbolizma)* [Letters from V.Ya. Bryusov to P.P. Pertsov, 1994–1896 (on the history of early symbolism)]. Moscow: Gos. akademiya khudozhestvennykh nauk.
32. Bryusov, V.Ya. (1990) *Sredi stikhov* [Among the verses]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
33. Korobka, N. (1903) *Ocherki literaturnykh nastroeniy* [Essays on literary moods]. St. Petersburg: Tip. Tov-va "Obshchestvennaya pol'za".
34. Gornfel'd, A.G. (1896) K. Bal'mont. V bezbrezhnosti [K. Balmont. In vastness]. *Russkoe bogatstvo*. 3. pp. 41–44.
35. Krasnov, P. (1897) Neoromanticheskaya i misticheskaya poeziya [Neo-romantic and mystical poetry]. *Knizhki nedeli*. 11. pp. 140–150.
36. Krasnov, P. (1903) Russkiy neoromantizm (kharakteristika K. D. Bal'monta) [Russian neo-romanticism (a characteristic of K.D. Balmont)]. *Literaturnye vechera "Novogo mira"*. 9. pp. 541–547.
37. Krasnov, P. (1905) Novye stikhi Bal'monta [New verses of Balmont]. *Vestnik literatury*. 11. 8 June. pp. 234–238.
38. Pokrovskiy, A.T. (1904) Sovremennoe dekadentstvo pred sudom vekovechnykh idealov [Modern Decadence before the judgment of everlasting ideals]. *Russkiy vestnik*. 6. pp. 543–594
39. Gorskiy, L. (1903) Dekadentskaya poeziya na puti v Rossiyu [Decadent poetry on the way to Russia]. *Vestnik znaniya*. 11. pp. 78–84.
40. Burenin, V. (1900) Kriticheskie ocherki [Critical Essays]. *Novoe vremya*. 8777. 4 (17) August.
41. Bryusov, V.Ya. (1903) Bal'mont (Bal'mont K. D. Budem kak solntse. Kniga simbolov. Moscow, 1903) [Balmont (Balmont, K.D. Let us be like the sun. Book of symbols. Moscow, 1903)]. *Mir iskusstva*. 7–8. pp. 29–36.
42. Burenin, V.P. (1905) *Gore ot gluposti* [Woe from stupidity]. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorina.
43. Dubin, B.V. (2001) Klassik – zvezda – modnoe imya – kul'tovaya figura: O strategiyakh legitimatsii kul'turnogo avtoriteta [A classic – a star – a trendy name – a cult figure: On the strategies of legitimizing cultural authority]. In: Nad'yarnykh, M.F. & Urakova, A.P. (eds) *Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel'* [Cult as a phenomenon of the literary process: author, text, reader]. Moscow: IWL RAS.
44. Shifman, I. (1970) L. Tolstoy i K. Bal'mont [L. Tolstoy and K. Balmont]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 118–125.
45. Teffi. (1901) Novyy god u pisateley [New Year of the writers]. *Zvezda*. 29 December. 52. pp. 14–18.
46. Teffi. (1902) Vesenniy otlet [Spring departure]. *Zvezda*. 22. pp. 11–17.
47. Shut. (1912) Galereya nashikh sovremennikov. K. D. Bal'mont. Sharzh Yana Toma [Gallery of our contemporaries. K. D. Balmont. Caricature of Jan Thom]. *Shut*. 34. p. 10.
48. Izvestiya po literature, naukam i bibliografii knizhnykh magazinov t-va M. O. Vol'f. (1913) Bal'mont kak sredstvo protiv zubnoy boli [Balmont as a means against toothache]. *Izvestiya po literature, naukam i bibliografii knizhnykh magazinov t-va M. O. Vol'f*. 8. p. 135.

49. Andreeva-Bal'mont, E.A. (1997) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Izd. im. Shabashnikovykh.
50. Venskiy, E. (1910) *Moe kopyto. Kniga velikogo paskvilya* [My hoof. The Book of the Great Pasquil]. St. Petersburg: Izd. M.A. Aver'yanova.
51. B.p. (1903) Literaturnye zametki. V bezdnakh dekadansa ("Budem kak solntse", kniga simvolov K. D. Bal'monta) [Literary Notes. In the abysses of decadence ("Let us be like the sun," a book of characters by K.D. Balmont)]. *Volzhskiy vestnik*. 19 July (1 August). 156.
52. Ellis. (1996) *Russkie simvolisty* [Russian symbolists]. Tomsk: Vodoley.
53. Chukovskiy, K.I. (2003) *Sobranie sochineniy: V 15 t.* [Collected Works: In 15 vols]. Vol. 7. Moscow: Terra.
54. Chukovskiy, K.I. (2002) *Sobranie sochineniy: V 15 t.* [Collected Works: In 15 vols]. Vol. 6. Moscow: Terra.
55. Koretskaya, I.V. (2001) *Literatura v krugu iskusstv (polilog v nachale XX veka)* [Literature in the circle of arts (polylogue at the beginning of the 20th century)]. Moscow: Nasledie.
56. Vestnik literatury. (1913) Nasha tret'ya anketa [Our third questionnaire]. *Vestnik literatury*. 2. pp. 55–56.
57. Baryshevskiy, K. (1913) Russkoe obshchestvo i russkie poety [Russian society and Russian poets]. *Vestnik literatury*. 5. pp. 137–140.
58. Gumilev, N.S. (1990) *Pis'ma o russkoy poezii* [Letters about Russian poetry]. Moscow: Sovremennik.
59. Kruchenikh, A. (1992) *Kukish proshlyakam* [Nothing to the cunning]. Moscow; Tallin: Gileya.
60. Abbot Fanferlyush. (1913) Poshlost' na p'edestale ("Zven'ya" K. Bal'monta. Izbrannye stikhi) [Vulgarity on a pedestal ("Links" by K. Balmont. Selected Poems)]. *Krematoriy zdravomysliya*. III–IV. pp. 38–41.
61. Vestnik literatury. (1913) Sushchestvuet li interes k noveyshey russkoy poezii – Rezul'taty ankety "Vestnika literatury" i "Izvestiy" [Is there an interest in modern Russian poetry? Results of the questionnaire by Vestnik Literatury and Izvestiya]. *Vestnik literatury*. 5. pp. 133–136.
62. Izmaylov, A.A. (1913) *Pestrye znamena* [Bright banners]. Moscow: Izd. Tov-va I.D. Sytina.
63. Kupriyanovskiy, P.V. & Molchanova, N.A. (2001) *Poet Konstantin Bal'mont. Biografiya. Tvorchestvo. Sud'ba* [Poet Konstantin Balmont. Biography. Creative work. Fate]. Ivanovo: [s.n.].
64. *Izvestiya po literature, naukam i bibliografii knizhnykh magazinov t-va M. O. Vol'f*. (1913) 6.
65. Vengerov, S.A. (1909) *Osnovnye cherty istorii noveyshey literatury s pribavleniem etyuda "Pobediteli ili pobezhennyye?" (o modernizme)* [The main features of the history of modern literature with the addition of an etude "Winners or Losers?" (About modernism)]. 2nd ed. St. Petersburg: [s.n.].
66. Anichkov, E. (1912) Bal'mont [Balmont]. *Zaprosy zhizni*. 11. pp. 681–687.
67. Annenskiy, I.F. (1988) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Khud. lit.
68. Izmaylov, A.A. (1911) *Literaturnyy Olimp* [Literary Olympus]. Moscow: Izd. Tov-va I.D. Sytina.